

культури певного народу, визначити значення культурно-національних конотацій, відтворити характерні риси національного менталітету.

ЛІТЕРАТУРА

1. Авксентьев Л.Г. Сучасна українська мова. Фразеологія / Л.Г.Авксентьев. – Х.: Видавництво при Харківському державному університеті видавничого об'єднання "Вища школа", 1983.
2. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава: Довкілля - К, 2010.
3. Демський М. Українські фраземи й особливості їх творення / М.Демський. – Л.: Просвіта, 1994.
4. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А.Потебня. - М., 2000.
5. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке: Современный русский язык: лексикология, фразеология, лексикография / В.В. Виноградов. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002.
6. Єрмоленко С.С. Знакова структура мовної одиниці в комунікативно-епістемічній перспективі. - Рукопис: дис. на здобуття наукового ступеня доктора філол. наук: спец. 10.02.15 – "Загальне мовознавство" / Сергій Семснович Єрмоленко. – Київський державний університет ім. Т.Г.Шевченка. – К., 2007.
7. Кунин А.В. Курс фразеології сучасного англійського мови / А.В.Кунин // Учеб. пособ. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высшая школа, 1986.
8. <http://en.wikipedia.org/wiki/Idiom>

УДК 811.163.41'366(043.3)

Супрунчук Н.В.
(Минск, Беларусь)

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ И ФОРМООБРАЗОВАНИЯ В РУСИСТИКЕ И СЕРБОКРОАТИСТИКЕ

Представлено різні трактування термінів «словозміна», «словотвір» і «форматвір» в русистикі та сербокroatистикі. Аналізуються причини різного розуміння термінів, доцільність їх вибору в залежності від сфери застосування.

Ключові слова: словозміна, форматвір, словотвір, лінгвістична термінологія, парадигма, граматичне значення, лексичне значення, словотвірне значення.

Представлены различные трактовки терминов «словозменение», «словообразование» и «форматобразование» в русистике и сербокroatистике. Анализируются причины разного понимания терминов, целесообразность их выбора в зависимости от сферы применения.

© Супрунчук Н.В., 2010

Ключевые слова: словоизменение, формобразование, словообразование, лингвистическая терминология, парадигма, грамматическое значение, лексическое значение, словообразовательное значение.

Various interpretations of the terms "inflection", "derivation" and "formbuilding" in Russian studies and BSC studies are presented. The reasons of different understanding of these terms are analyzed, as well as their scope-dependent suitability.

Key words: inflection, formbuilding, derivation, linguistics terminology, paradigm, grammatical meaning, lexical meaning, derivational meaning.

Развитие лингвистики направлено на открытие и описание все большего и большего количества фактов, выдвижение новых гипотез и теорий, на познание мира и человека в нем. Одновременно происходит упорядочение уже освоенных объектов с целью более простого, экономного, «красивого» представления данных. Это направление стало особенно популярным с появлением компьютерной техники. Как отмечает И.А. Мельчук, в целом в современной лингвистике «подинный прогресс... невозможен без существенного уточнения ее формально-логического аппарата, то есть без должной формализации ее научного языка» [1: 15]. По словам П.Б. Паршина, «девятнадцатый век в лингвистике был веком метода, двадцатый – веком теории. Революция затронула именно теоретическое развитие; задачи методологической революции остаются веку двадцать первому...» [2: 39].

Активизируется работа по уточнению и изменению базовых лингвистических понятий с учетом требований строгости, формальности, логичности, непротиворечивости, точности и т.п. Назовем здесь имена А.В. Колмогорова, Р.Л. Добрушина, В.А. Успенского, О.С. Кулагинной, А.В. Гладкого, П.С. Кузнецова, И.А. Мельчука, А.А. Зализняка, в сербской лингвистике – М. и П. Ивичей, Д. Вигаса, Л. Поповича, П. Пипера, О. Сабо-Ерков. Большой интерес представляют результаты моделирования грамматики русского (А.А. Зализняк, И.А. Мельчук, И.Г. Бидер, И.А. Большаков, Н.А. Еськова), болгарского (Г. Аронсон, Н.В. Котова, М. Янакиев), сербского (Л. Джурович, П. Пипер, Д. Вигас, Д. Шипка, П.-Р. Шмидтбаур) и других языков.

Нет единства во взглядах на статус, состав, содержание и функционирование грамматических категорий, на классификацию имен по типам склонений. Грамматические категории рода, числа и падежа описываются в сербских грамматиках с XVIII в. В сфере категории рода особенно трудных вопросов не возникало, споры в основном касались родовой принадлежности некоторых групп слов (заимствований, существительных мужского рода на -а, женского рода на согласный), о чем свидетельствуют работы Дж. Даничича, Т. Маретича, Д. Игнатович, С. Ковачевич, М. Дешича, С. Вукомановича, С. Бабица и др. Описание числа вначале базировалось главным образом на церковнославянских образцах, затем двойственное число было исключено, а в конце XX в. многие исследователи предложили дополнительную граммему – паукала (М. Ивич, Э. Станкевич, П. Пипер и др.). Теория падежа в сербистике оформлялась в трудах А. Белича, П. и М. Ивичей, М. Стевановича на основе работ А.А. Шахматова, Р.О. Якобсона, Е. Куриловича. При этом внимание уделялось и средствам выражения, и самим падежным значениям, делались попытки выделить семантические инварианты, классифицировать падежно-предложные сочетания (М. Ивич, К. Нейлор).

Много сил для упорядочения описания сербскохорватского склонения приложили А. Белич, М. и П. Ивичи, В.П. Гудков, М. Храсте, М. Николитч, Д. Игнятович. Адаптация заимствований – традиционно трудный раздел – также привлекает много внимания (С. Вукоманович, Р. Симич, Б. Терзич, Е. Фекете). Задачей первостепенной важности стало создание лингвистического описания, ориентированного на применение в ЭВМ (Д. Витас, Ц. Крстев, Л. Попович, О. Сабо-Ерков, Д. Шипка).

Для сербского языка разработаны отдельные аспекты словоизменения, однако целостная адекватная модель нам неизвестна. Стоит привести слова Д. Ворга: «Создается иногда впечатление, что грамматика славянских языков все еще находится в такой донаучной стадии, где “все позволяется” и каждый делает, что хочет» [3: 391]. Как представляется, полезной была бы также пригодность новой модели для «механического», формального использования, например для перенесения правил в компьютер без корректировок.

Часто нет возможности излагать все точки зрения, так как историография вопроса способна составить целое исследование. Приведем лишь одно показательное мнение. Как указывают современные исследователи, «описать словоизменение в некотором языке не может означать ничего другого, как дать механически выполнимые правила образования словоформ с заданными словоизменительными характеристиками от любых основ (или наоборот – правила извлечения таких характеристик из тестовых словоформ)» [4: 22]. Самое простое (требующее самых простых операций) представление любого множества – экстенциональное, т. е. перечисление входящих в него элементов. Иными словами, морфологию некоторого языка можно дать в явном виде – как список всех словоформ. Однако такое решение окажется неудовлетворительным для людей. Хотелось бы найти способ более экономный, удобный при использовании и лучше отражающий человеческое знание языка. Необходимым представляется также взаимоприспособление, взаимокоррекция словаря и грамматики, т. е. решение вопроса об оптимальном соотношении словарной информации в грамматике и грамматической информации в словаре.

Ключевое понятие славянской морфологии – «словоизменение». Его целесообразно рассматривать вместе со «словообразованием» и «формообразованием». Некоторые ученые («фортунатовская традиция») различают эти три термина так: «словоизменение» как выражение семантических граммем, «формообразование» как выражение синтаксических граммем и «словообразование» как выражение дериватем [5: 127–128]. А.А. Реформатский предлагает такую трактовку: «Изменения № 4, реляционного значения, охватываются словоизменением; изменения № 5, деривационного значения, охватываются словообразованием; и то, и другое – формообразование: словоизменительное и словообразовательное» [6: 253 и далее]. Своеобразное деление категорий на синтаксические и несинтаксические (словообразовательные) предлагал А.М. Пешковский. Можно сказать, что при словоизменении основа слова или вообще не меняется, или меняется так, что на лексическое значение основы наслаивается грамматическое, которое обычно, в других случаях, выражается специальной морфемой. При словообразовании всегда изменяется объем значения основы, а формальное преобразование основы для словообразования необязательно.

Собственную точку зрения по этому вопросу имели и Н.Н. Дурново [7: 96–97, 122], и В.В. Виноградов [8], и Н.С. Трубецкой [9: 67], и А.В. Исаченко [10: 27–31] и др.

Разрешение и данного вопроса находится в русле общелингвистического движения к нечетко-множественному представлению языка, к понятию о языке как о континууме, к полемому представлению всех категорий и классов. Все чаще и все определеннее ученые отстаивают градуальность словоизменительного или словообразовательного характера морфемы (ее значения), все чаще вводится понятие шкалы, отрицается четкая граница между словоизменением и словообразованием (напр., [11], [12: 5–6]). Таким образом, радикализм Ф.Ф. Фортунатова, М.Н. Петерсона, М.В. Панова становится все менее популярным.

Считаем целесообразным придерживаться трактовки А.А. Зализняка, изложенной в книге «Русское именное словоизменение» [13: 3]: «Термин “словоизменение” может употребляться в двух смыслах – частном и общем. В частном смысле словоизменением данного слова называется его парадигма, т.е. совокупность всех его словоформ. В общем смысле словоизменением данного языка называется соответствие, при котором каждому слову отвечает его парадигма (т.е. его частное словоизменение)».

Сходное мнение находим у И.А. Мельчука: «Термин словообразование будет употребляться ниже в смысле ‘образование новых слов [точнее, новых лексем (т.е. слов в одном значении. – Н.С.)]’; где ‘новые’ понимаются как ‘существующие в современном языке, но не подлежащие внесению в словарь’. Словообразование противопоставляется словоизменению, т.е. ‘образованию форм данного слова [= лекс данной леммы]’» [14: 477].

Более десяти лет в Белграде над проблемами автоматического анализа текста активно работает группа Д. Витаса [15]. Ученый рассматривает реализацию слов в тексте с точки зрения их обработки на компьютере. В его работах заметен явный формализаторский уклон, что имеет и свои недостатки, и свои преимущества. Одним из направлений, активно развивающих идеи Р.О. Якобсона о маркированности как фундаментальном языковом свойстве, сегодня является «натуральная морфология». Она сложилась в Европе в 1980-е годы (В. Майерталер, О. Панагль, В. Вурцел, В. Дресслер и др.) [16: 17]. В работах этих лингвистов утверждается обратная зависимость между маркированностью и натуральностью, т. е. чем более маркирована некоторая категория, тем менее она натуральна. Натуральной же признается категория, которая: а) широко распространена и/или б) усваивается относительно рано и/или в) относительно устойчива к языковым изменениям. Ученые, развивавшие это направление, предложили ряд критериев для разграничения случаев словоизменения и случаев словообразования [17: 14–24]. Примечательно, что некоторых тестов необходимо уметь выделять парадигму, т. е. по этой концепции, в отличие большинства теорий в русистике и сербистике, понятие парадигмы оказывается таким же важным, как и понятие словоизменения, а не подчиненным ему.

Под парадигмой, вслед за А.А. Зализняком, будем понимать «совокупность всех грамматических значений, представленных у некоторой леммы или дополнительно приписанных ей, с указанием для каждого из них, какая словоформа (или словоформы) этой леммы имеет данное грамматическое значение» [13: 30]. Детальную классификацию парадигм и обсуждение их места в общей теории грамматики см., напр., у М.В. Панова [18] и В. Хельдена [19: 725–759]. Нередко полнота парадигмы, количество форм зависит не только от частеречной принадлежности, но и от богатства лексического значения. Каждому возможному сочетанию граммем одной парадигмы соответствует одна слово-

форма из парадигмы, в противном случае это варианты. Парадигма обычно имеет строго определенное количество членов, специфичное для данного лексико-грамматического класса (части речи или разряда внутри части речи). Таким образом, словоизменение и формообразование признаются синонимами и вместе противопоставляются словообразованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мельчук И.А. Опыт разработки системы понятий и терминов для морфологии // Семиотика и информатика. – 1997. – Вып. 35. – С. 15–58.
2. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопр. языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19–42.
3. Ворт Д.С. Морфология славянского словообразования // American Contributions to the 7th Internat. Congr. of Slavists. – Hague : Mouton, 1973. – Vol. 1. – P. 377–391.
4. Апресян Ю.Д., Мельчук И.А. Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966–1969 гг. – М. : Ин-т русск. языка, 1973. – 71 с.
5. Плузьян В.А. Общая морфология. – М. : УРСС, 2000. – 384 с.
6. Реформатский А.А. Введение в языковедение. – М. : Аспект-пресс, 2001. – 536 с.
7. Дурново Н.Н. Грамматический словарь: Грамматич. и лингвистич. термины / Под ред. О.В. Никитина. – М. : Флинта: Наука, 2001. – 184 с.
8. Виноградов В.В. О формах слова // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка. – 1944. – Т. 3. – Вып. 1. – С. 31–44.
9. Трубецкой Н.И. Избранные труды по филологии. – М. : Прогресс, 1987. – 560 с.
10. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. – 2-е изд. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 880 с.
11. Мельчук И.А. Курс общей морфологии [: в 5 т.]. – М. : Языки русской культуры: Прогресс; Вена: Венский славистич. альманах, 1997–2000. – Т. 1–5.
12. Bybee J.L. Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form. – Amsterdam : Benjamins, 1985. – 235 p.
13. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.
14. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». – Москва : Языки русской культуры; Вена: Венский славистич. альманах, 1995. – 682 с.
15. Vitas D. Matematički model morfologije srpskohrvatskog jezika. – Beograd : Matematički fakultet, 1993. – 301 s.
16. Contemporary morphology / W.U. Dressler et al. (eds). – Berlin : Mouton de Gruyter, 1990. – 460 p.
17. The Handbook of Morphology / A. Spencer, A. M. Zwicky (eds). – London : Blackwell Publishing, 2001. – 815 p.
18. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М. : Наука: Языки русск. культ., 1999. – 275 с.
19. Helden W.A. Case and Gender. – Amsterdam : Atlanta, 1993. – Vol. 1–2. – 1280 p.

НАЗВИ ПЕРЕЇДІВ, НЕДОЇДЕНИХ ТВАРИНАМИ ЗАЛИШКІВ ГРУБИХ КОРМІВ

У статті розглядаємо назви недоїдених тваринами залишків грубих кормів, які побутують в українських говорах Східної Словаччини. Обстеження було виконане у 80 селах Східної Словаччини.

Ключові слова: недоїдені тваринами залишки, худоба, гризти, їсти

В статті розглядаються назви залишків грубих кормів, які залишаються після їди тваринами і які існують в українських говорах Східної Словаччини. Дослідження було проведено в 80 селах.

Ключові слова: недоїдені тваринами залишки, скот, гризть, їсть

In the article we deal with names of animal leavings (remnants of food). These names are used in Ukrainian dialects in Eastern Slovakia. The basis of our research is lexical material from dialects in 80 Ukrainian villages in Eastern Slovakia.

Key words: animal leavings (remnants of food), cattle, gnaw, eat

Скотарські назви належать до одного з найстаріших пластів лексики. Вони містять багату інформацію про життя народу, його історію, матеріальну і духовну культуру, відображають зміни у навколишньому середовищі. Розводження великої рогатої худоби вважається дуже давнім і головним заняттям нашого населення Східної Словаччини.

У статті розглядаємо назви недоїдених тваринами залишків грубих кормів. Діалектна лексика пов'язана із назвами недоїдених тваринами залишків грубих кормів, це живі народні назви, які ми записали у 80 селах українських чи змішаних (українсько-словацьких) сіл 15 округів Східної Словаччини. Згадану лексику порівнюємо з відповідними термінами інших українських говорів, наводимо відповідники літературних мов та говорів інших слов'янських і неслов'янських мов. Аналізований фактичний матеріал подаємо у спрощеній фонетичній транскрипції.

У значній кількості населених пунктів для недоїдених тваринами залишків грубих кормів поширені назви, утворені від дієслова *гризти*, а саме: *перегризкы, выгризкы, вігризкі, вігризкі, выгриж'а, огризкы, огризкы, обгризкы*. З поодиноких назв з іншим коренем записано *зіідкы, выграбкы, мерва, стрійаскы*.

У деяких населених пунктах немає спеціальної назви для даного поняття. На питання, як називають недоїдені тваринами залишки грубих кормів, виявлено ще такі відповіді: „*охабіла, охабіва – не вижёрла, не пожёрте, звишки жёрт'а, остане жерт'а*”.

перегризкы – Шариське Чарне, Руська Поруба, Завада, Полата, Маковець, Гавай, Рівнини

перегризкы – Чабалівці, Збіяне, Рокитів, Старина, Стацин, Стацинська Розтока, Кленова, Ладомирів, Стриговець, Вубля, Звала, Колонія

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий дім Дмитра Бураго

Наукове видання

«**МОВА І КУЛЬТУРА**»

Випуск 13

Том IV (140)

Київ
2010

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Издательский дом Дмитрия Бураго

Научное издание

«**ЯЗЫК И КУЛЬТУРА**»

Випуск 13

Том IV (140)

Киев
2010

Наукове видання «Мова і культура» засноване у 1992 році

Видання зареєстроване Міністерством юстиції України.
Свідоцтво КВ № 12056-927ПР від 4.12.2006 р.

Засновники:

Київський національний університет імені Тараса Шевченка
Видавничий дім Дмитра Бураго

Видається за рішенням Вченої ради Інституту філології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка від 19.02.2007 р.

Головний редактор Д. С. Бураго

Редакційна колегія:

канд. філол. наук, доц. **П. П. Алексєєв**; д-р філол. наук, проф. **В. М. Брицин**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України **Ю. Л. Булаховська**; д-р філол. наук, проф. **О. П. Воробйова**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України **Л. П. Іванова**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України **М. О. Карпенко**; д-р філол. наук, проф. **Т. В. Клеофастова**; д-р філол. наук, проф. **Ю. І. Корзов**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Костенко**; д-р філос. наук, проф., заслужений діяч науки і техніки України **С. Б. Кримський**; д-р філол. наук, проф. **Г. Ю. Мережинська**; д-р філол. наук, проф. **А. К. Мойсієнко**; д-р філол. наук, проф. **Ю. В. Мосенкіс**; д-р філол. наук, проф. **Н. Г. Озерова**; д-р філос. наук, проф., академік НАН України **О. С. Онищенко**; д-р пед. наук, канд. філол. наук, проф. **Г. В. Онкович**; д-р філос. наук, канд. істор. наук, проф. **Ю. В. Павленко**; д-р філол. наук, проф. **Т. А. Пахарєва**; д-р філол. наук, проф. **Г. Ф. Семенюк**; д-р філол. наук, проф., академік НАН України, заслужений діяч науки і техніки України **В. Г. Склярєнко**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Слухай**; д-р філол. наук, проф. **О. С. Снитко**; д-р філол. наук, проф. **Е. С. Соловей**; д-р психол. наук, проф., член-кор. АПН України **Н. В. Чепелєва**.

© Київський національний університет
імені Тараса Шевченка, 2010
© Видавничий дім Дмитра Бураго (майнові), 2010

Коч Н.В.
(Київ, Україна)

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО МЕДИАЦИИ В БИНАРНЫХ КОНЦЕПТАХ

У статті на основі дуального моделювання концептуально-мовної картини світу (на прикладі зооморфізмів) представлено досвід інтерпретації метафори як медіативної ланки, яка усуває у бінарних концептах імпліцитний, а при переміщенні концепту в іншу концептосферу експліцитний конфлікт смислів.

Ключові слова: бінарний концепт, семантичні опозиції, когнітивно-мовна метафора, медіативний засіб, психологічна проєкція.

В статье на основе дуального моделирования концептуально-языковой картины мира (на примере зооморфизмов) представлен опыт интерпретации метафоры как медиативного звена, устраняющего в бинарных концептах имплицитный, а при перемещении концепта в другую концептосферу, эксплицитный конфликт смыслов.

Ключевые слова: бинарный концепт, семантические оппозиции, когнитивно-языковая метафора, медиативное средство, психологическая проєкция.

The article presents the experience of interpretation of metaphor as a mediate link that eliminates implicit meaning in binary concepts on the basis of dual modeling of conceptual-language picture of the world (by the example of zoomorphisms), and when transferring the concept into another conceptual space – explicit conflict of meanings.

Key-words: binary concept, semantic oppositions, cognitive-language metaphor, mediate means, psychological projection.

Вопросы, связанные с исследованием особенностей вторичной номинации, входят в круг проблем лингвистики и концептологии. Традиционная интерпретация метафоры как языкового феномена в последние годы подверглась значительному пересмотру в связи с появлением нового направления в лингвистике – когнитивного. Анализ метафорической сочетаемости слов в когнитивно-лингвистическом (концептуальном) аспекте представлен в работах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, М. Блэка, Э. МакКормака, Н.Д. Арутюновой, Н.Ф. Алефиренко, А.Н. Баранова, Ю.Н. Караулова и др.

Признание метафоричности процессов познания не ново, однако если этот способ освоения мира мыслью рассматривался рядом ученых как неистинный (Ф. Ницше), алогичный, асемантический (Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Дэвидсон), то когнитивисты возвели метафору на пьедестал, который позволил занять ей достойное место в теории познания. Основное положение теории когнитивной метафоры состоит в том, что метафора относится не к уровню языка, а к уровню мышления и деятельности: «Наша обыденная концептуальная система, в терминах которой мы одновременно думаем и действуем, фундаментально метафорична по самой своей сути» [1: 387].

© Коч Н.В., 2010